

до турок касается». Не случайно в Константинополе наибольшее впечатление произвели на него «двое турок», которые, «рассуждая о чем-то, от искреннего сердца рассмеялись; и вот первой смех или первая наружная веселость души, которую я, ходя целый день и видев не одну тысячу людей, по лицу и по подобию так называемых, встретить случай имел» (56—57).

Очевидно, что столь тонко чувствующий человек с искрящимся юмором и трепетным воображением, глубоко понимающий жизнь и, как все сатирики, сосредоточенно всматривающийся в самые печальные ее стороны, был склонен к эмоциональным перегрузкам и депрессивным состояниям. Острая потребность в общении с близкими по складу людьми оказалась, пожалуй, наиболее уязвимым местом в душевной организации Хемницера.

В вынужденной своей изоляции на «Туречшине» у него обостряется чувство родины и развивается тяжелый недуг, который принято называть ностальгией. Отъезжая из Херсона, он с болью думает о том, что покидает «берег отечества и всех тех, которые жизнь приятно делали». «Должен буду воображать, как будто не на одном уже мире со мною» (49). Несколько позже, в Порте, он обнаружит, что «многие в нашем отечестве живучи не чувствуют своего блаженства столько, сколько чувствовать должны» (69), и придет к неутешительному выводу — «кроме отечества и самого Петербурга для меня нет спасения» (91). Знаком утраченной родины станут для него «христианская, то есть нравственная земля, друзья и родные». Иными словами, Хемницер больше всего будет тосковать по особой атмосфере глубокого понимания, взаимного интеллектуального обогащения и приятельской раскованности, которая присутствовала в дружеских кружках, возникающих в среде интеллектуального образованного дворянства России второй половины XVIII в. В этих обстоятельствах письма Львова станут для него «единственной радостью», самым светлым событием в унылом ожидании конца только что начавшейся службы. Именно своеобразный эпистолярный разговор с другом долгие месяцы поддерживал Хемницера и давал ему ощущение собственной личности. «Тут спрошу я: где я? и что я? а письмо твое мне и даст ответ. Слава Богу, теперь хоть с письмами посоветовать да побеседовать можно» (78—79).

«Только у меня и праздника что письма от тебя»

В исследовательской литературе встречаются самые полярные оценки взаимоотношений двух друзей. Мнения разнятся от признания Львова «добрым гением» Хемницера, по выражению Я. К. Грота, до уличения его в интригах, необоснованной ревности, преднамеренном искажении образа баснописца в воспоминаниях. В некоторых работах Львов даже обвиняется в гибели друга, которому